

Постановили: бога нет

Дудченко Г.

29 декабря 1922 года, сразу после праздника Рождества Христова и в преддверии Нового года, в Таганроге была создана ликвидационная комиссия. Или как она себя называла в своих многочисленных отчетах, хранящихся в городском архиве, - ликвидком.

Возглавил ее - Максим Федорович Горшков - бывший заведующий отделом управления Таганрогского уездного исполкома, член партии и ревкома с 1920 года. А членами ее стали Серапион Михайлович Воробьев - бывший военный моряк Балтийского флота, один из создателей Азовской военной флотилии, а в ту пору уполномоченный секретной группы Таганрогского отделения ГПУ, Иван Тимофеевич Чеботарев - народный судья первого участка Таганрогского уезда, бывший рабочий Русско-Балтийского завода и Александр Александрович Заднепровский - бывший революционный пулеметчик, а в ту пору ставший секретарем уездного ликвидкома. Авторитетная получилась комиссия, с солидным представительством.

Официально было декларировано, что целью ее деятельности является проведение в жизнь декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви. Правда, принятый в январе 1918 года декрет комиссию, видимо, удовлетворял не полностью. Он декретировал всего лишь отделение, а не ликвидацию. И в дела комиссии в качестве руководящего документа лег не весь декрет, а выписка из него. С особым упором на параграф 27, гласивший:

«В исключительных случаях, когда в распоряжении местного Совета не имеется подходящих помещений, необходимых для удовлетворения острых общественных нужд, могут быть закрыты по постановлению исполкома не имеющие исторического значения церкви, молитвенные дома и т. д. Сооружения и здания обращены для удовлетворения общественных нужд. При изъятии указанных сооружений и их использований исполком сообразовывается с указаниями Наркомпроса».

Не все и в этом пункте, как показала дальнейшая история, стало руководством для деятельности ликвидкома. Но главная возможность была с завидной настойчивостью превращена в реальность.

Прежде всего развернули работу по взятию церквей и церковных ценностей на учет и включению их в инвентарную опись. На 1 апреля 1923 года в Таганрогском уезде было поставлено на учет 49 церквей, 14 молитвенных домов и один монастырь. Собственностью церковных общин они быть перестали. Пользоваться ими верующие теперь могли только по договору о сдаче им зданий культа в бесплатное пользование. К апрелю 1923 года договоры были составлены на 34 церкви, 10 молитвенных домов и монастырь.

Всем председателям волостных исполкомов было направлено письмо за подписью Горшкова и Заднепровского, в котором давалось задание проверить все церкви на предмет пользования печатями, штампами и бланками. Предлагалось их немедленно изъять «в целях воспрепятствовать демонстрации прежнего официального положения церквей». Церковь стала неофициальной. Всякие собрания верующих могли производиться только с разрешения ликвидкома, согласованного с ГПУ. Как это было, можно представить из доклада ликвидкома отделу губернского исполкома за март 1923 года:

«Было дано разрешение с санкции ГПУ на устройство 25 марта приходского собрания для выборов делегатов на благочинский съезд в Москву на 15 апреля. Прошли хорошо, за исключением Николаевского прихода, где священник Соболев в речи говорил, что «нам надо защищать нашу православную веру и церковь, ибо это все, что у нас осталось, но и это Советская власть хочет отнять у нас». ГПУ приняты соответствующие меры. (Какие меры - мы узнаем из других документов, сообщающих, что Соболев был арестован. - Г. Д.).

29 марта состоялись делегатское собрание благочиния Таганрога, на котором выявилась определенная оппозиция к группе. Ж. Ц. («живая церковь»), обновленческому движе-

нию, признававшему Советскую, власть и призывавшему к сотрудничеству с ней. Как свидетельствует доклад: «Группа Ж. Ц. потерпела фиаско. Среди верующих она популярностью не пользуется. Реакционное духовенство ведёт агитацию против группы Ж. Ц. Факты говорят, что духовенство примыкает к группе «Возрождение», многие являются сторонниками Тихона и поклонниками бывшего епископа Арсения. В связи с последними событиями ГПУ привлекает к ответственности ряд ярых реакционеров».

Радовать такая действительность не могла. Тихон - патриарх Русской православной церкви - в 1922 году был арестован за противодействие изъятию церковных ценностей для оказания помощи голодающему населению.

Епископ Ростовский Арсений. Нелестные воспоминания о нем остались у нашего земляка, уроженца села Греческие Роты, что под Таганрогом, Александра Ивановича Муралова.

В начале 20-х годов он возглавлял Донской совнархоз. В его ведении находилось 162 предприятия. Но большинство из них из-за отсутствия сырья было законсервировано. Мелкие предприятия были переданы в распоряжение станичных и волостных исполкомов, а некоторые маслобойни, пекарни, кожевенные заводы сданы в аренду кооперативам и частным лицам.

Возможностей у совнархоза для оказания помощи в борьбе с голодом было немного. Видимо, поэтому А. И. Муралову было поручено возглавить в Ростове комиссию по изъятию ценностей у церквей. Он встретился с епископом Арсением и предложил ему разъяснить смысл декрета. Однако, когда 11 марта Муралов с шестью товарищами пришел в кафедральный собор, то их встретила толпа верующих и стала избивать. С отметинами этого «благословения» А. И. Муралов поехал на II съезд партии, собравшийся в конце марта в Москве. Епископа Арсения некоторое время спустя арестовали.

И вот теперь верующие Таганрога проявляли к этим людям симпатию. Ликвидком за дело взялся круто. Уже в первых числах апреля в городе и округе были проведены десятки рабочих собраний. Лучшие силы докладчиков были направлены для их проведения. Все мастерство организации было вложено в их подготовку. Протоколы и резолюции убедительно свидетельствуют об успехе.

Рабочие и служащие сельхоза № 1 им. Парижской Коммуны 6 апреля постановили: «Считать бога несуществующим. Удалить из своих квартир культовые предметы. Ходатайствовать перед рабоче-крестьянской властью о закрытии церквей, синагог, костелов и прочих очагов и аппаратов, препятствующих свободному развитию человеческой мысли и знания».

Было только лишь пять голосов «против» и двенадцать «воздержавшихся» из пятисот присутствующих на собраниях работников железнодорожного узла при голосовании за резолюцию, гласившую: «Религия признана средством затемнения народных масс. Постановили считать необходимым закрытие всех синагог, церквей и молитвенных учреждений. Требуем от уездного исполкома при закрытии церквей в городе забронировать за рабочими узла и их семьями находящуюся в нашем районе так называемую Мнхайловскую церковь, разрешив сделать из нее храм науки и культуры».

Мы, рабочие, обращаемся к рабочим электростанции и надлежащим органам власти с требованием о прекращении подачи электроэнергии во все церкви, и синагоги в одно время, а также в целях экономии средств произвести съемку проводки с церквей и синагог, которые еще не забронированы и передать их в руки рабочих.

Мы настоятельно требуем от уисполкома дать производительный труд духовенству, чтобы оно не сидело в социалистическом обществе на спине рабочих и крестьян. Безусловно запретить, выезд русскому духовенству на предстоящий в Америке съезд духовенства, дабы оно там не могло заниматься шпионажем и провокациями против Советской власти. Приминная во внимание, что непосредственно на производстве нет читальни, просить местком закрыть на территории станции часовню и оборудовать ее под читальню».

Но наиболее примечательное письмо поступило в исполком от президиума союза металлистов. Они просили «разрешить союзу металлистов изъять из закрытой церкви

бывшего Греческого монастыря весь инвентарь для оборудования рабочих клубов на территории авиационного и Балтийского заводов. Также необходимо изъять стекла с икон и церкви для оборудования казармы на Балтийском заводе, где есть большая потребность в связи с кризисом квартир для приезжих рабочих. Просим удовлетворить нашу просьбу, так как на общем собрании указанных заводов была принята резолюция о закрытии церквей и оборудовании клубов».

Ответ на требования масс последовал незамедлительно. Президиум уездного исполкома 6 апреля постановил: «Принимая во внимание настоятельные требования рабочих и трудящихся железной дороги, металлистов, пищевиков, совработников, работников просвещения, медработников и других в количестве 11 союзов, закрыть 2 еврейские синагоги, греческий монастырь и церковь Михаила Архангела».

В тот же день решение было проведено в жизнь. Однако, «к вечеру, 7 апреля стали собираться, - как отмечает приказ исполкома от 7 апреля 1923 года за подписями предисполкома Прокофьева, помощника начальника ГПУ Двиняникова, начальника гарнизона Власова и секретаря президиума уисполкома Заднепровского, - толпы несознательных граждан, провоцируемых врагами Советской власти».

Поступили просто - записали в приказ, что «воспрещаются на улицах города Таганрога всякие сборища и скопления граждан, а, также всякого рода шествия». Для большей ясности добавили: «Лица, не исполняющие приказ, будут подвергнуты строгой ответственности вплоть до применения высшей меры наказания».

После такого действенного средства атеистической пропаганды демонстрации, конечно, прекратились. Только отказались ли их участники от своих религиозных убеждений? Сомнительно. Подобным образом у людей подрывалась отнюдь не вера в бога, а вера в себя, в свое право на веру, на независимое мнение, на возможность открытого проявления своей позиции. Попытались верующие использовать более сдержанные методы. В Таганрогский исполком поступило письмо от гражданина Ю. Е. Писаренко, проживавшего по ул. Р. Люксембург, 26, кв. 1. Он писал: «Ввиду закрытия еврейских синагог, старики не имеют места, где произвести молитву. Поэтому покорнейше прошу дать нам разрешение не более как 30 старикам производить молитву в нашем доме».

Однако терпимость из числа добродетелей к тому времени стала исключаться. И на письмо легла размашистая, но не двусмысленная резолюция: «Не разрешать».

А когда пришло следующее письмо за 286 подписями с просьбой открыть хотя бы одну синагогу, так как 400 еврейских семей (около 2,5 тысяч человек) остались совсем без возможности для моления, пустили в ход более решительные меры. Письмо было направлено в уголовный розыск с требованием срочно выяснить инициаторов его написания.

И вскоре был арестован председатель духовного правления хоральной синагоги, главный врач санатория для туберкулезных больных Яков Абрамович Евинзон, а вместе с ним и члены правления: Шатенштейн, Юдман, Френкель, Сошник, Фридман, Коган. Семь часов длились их допросы. И наверно, продолжались бы дольше, если бы прокурор Т. Скорик не предложил дознание прекратить.

Однако этого оказалось достаточно, чтобы зубной врач Михаил Абрамович Френкель долго не мог заниматься чужими зубами, так как не в силах был справиться с дробью своих. Не меньшее впечатление оказала встреча с правоохранительными органами и на других арестованных. Тем более что и после их освобождения дознание вовсе не прекратилось. Предел ему положило только обращение верующих в губернскую прокуратуру.

26 апреля она направила ликвидному письмо, которым разъясняло, что выявление инициаторов заявления не может производиться уголовным роском, так как в этом нет состава преступления. Но к этому времени особой нужды в дознании уже и не было, так как ликвидному были уже известны не только инициаторы, но и полная расшифровка всех 286 подписей лежала в его папке. Лежит она в ней и сейчас.

Письмо прокуратуры также требовало дать однозначный ответ на вопрос об открытии синагог. Его дали. Помещение хоральной синагоги было предоставлено интер-

национальному клубу национальных меньшинств, а весь культовый инвентарь был реквизирован. Попытались верующие вернуть хотя бы чехлы для Торы, но тоже безуспешно.

Клуб вскоре свое существование прекратил. Более счастливой оказалась судьба чехлов. Недавно посетители краеведческого музея могли видеть эти украшенные высокохудожественным шитьем предметы на выставке «Как человек создал богов», увидят их таганрожцы и в будущей экспозиции музея и подивятся замечательному искусству безвестных мастериц прошлого, вложивших в золотое и серебряное шитье частицу своей души. Но далеко не всем творениям умелых и талантливых рук наших предков удалось дожить до наших дней, избежать антирелигиозного фанатизма. На укрепление средств Красного Воздушного флота пошли колокола почти всех церквей Таганрогского округа. Конечно, укреплять воздушный флот было необходимо. И бронзу выплавлять сложнее, чем снимать колокола. Но как-то грустно становится от понимания, что не насущной необходимостью, а воинствующей нетерпимостью был лишен наш край мелодичных звонов России.

А вскоре пошли на слом и сами церкви. Вначале робко, памятуя о требовании ленинского декрета не трогать здания, имеющее, историческое значение. Создали комиссия, которые отказывали в наличии такой значимости каждой намеченной на слом церкви. А с конца 20-х годов - и вовсе без комиссий.

В декабре 1928 года принимается решение о разборке бывшей церкви св. Михаила для использования строительного материала для постройки центрального клуба металлистов. Того самого, который, вскоре получил наименование Дворца культуры имени И. В. Сталина. На развалинах храмов прошлых святых создавались дворцы для возвеличивания «нового апостола». Пошли на строительный материал Греческий монастырь, Петровская и многие другие церкви. Передали сначала под склад заготзерно, а затем и вовсе снесли Успенский собор. И предлог выбрали удобный - место это понадобилось для строительства нового театра. Но почему-то театр, который так никогда и не был, построен, планировался только на месте, где стояли здания церквей. Затем под предлогом строительства театра на другом месте была разрушена Митрофаньевская церковь на Красной (ранее Александровской) площади. Разрушали активней, чем созидали.

Вот только, по-моему, не очень-то задумывались о том, что в ходе ломки формируется не чувство созидания, а навык разрушительства. Люди, которых толкнули на уничтожение плодов труда отцов, теряли уважение и к своему труду. Вчерашние творцы превращались в бездумных исполнителей, ремесленников, способных строить не на, века, а на текущую потребу.

«Воинствующие безбожники» - так нарекли себя общества, которые возникли в помощь ликвидкомам и прочим комам. Читаем решение «О передаче предметов культа закрытых Греческого монастыря и, Архангело-Михайловской церкви в помещение красного уголка милиции». Думаю, что ни у кого мысли появиться не могло, чтобы иконы и кресты заняли там, место в красном углу. Скорей всего, печальна их судьба.

А ведь предметы религиозного поклонения являются таковыми лишь до тех пор, пока религиозность есть в душе. А вот предметами живописного и ювелирного искусства, они остаются всегда. Поэтому когда иконы топтали и сбрасывали на погибель во всевозможные уголки, то не с религией боролись, а с культурой. Топтали не религиозное мракобесие, а этические и эстетические начала в человеке, втоптывая в грязь духовность людей.

Не ради скорби по богам и вере пишу эти строки. Не ради праздного перетряхивания прошлого. А ради нашего сегодня. Ради того, чтобы не множить бессмыслицы прошлого. Нам есть еще что сохранить. Нам есть еще что возродить. И очень бы хотелось, чтобы, памятуя о прошлом, мы больше думали о будущем.